

УДК 291.1

DOI: 10.34670/AR.2019.45.4.082

Подходы к изучению и аналитический язык описания русского православного обновленчества первой половины XX века

Головушкин Дмитрий Александрович

Доцент кафедры истории религий и теологии,
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Российская Федерация, Санкт-Петербург, набережная Мойки, 48;
e-mail: golovushkinda@mail.ru

Аннотация

В статье поднимается проблема подходов к изучению и аналитического языка описания русского православного обновленчества первой половины XX века. В ней ставится вопрос о правомерности использования понятия «реформация» применительно к православному обновленчеству. Предлагается вариант концептуализации феномена религиозного обновления, а также видение парадигмы его структурных элементов – религиозного фундаментализма и религиозного модернизма. Актуализируется вопрос о соотношении фундаментализма и ортодоксии в религиях Предания, что служит дополнительным ключом к пониманию феноменологии и структурно-функциональных особенностей православных религиозно-реформаторских движений. В русле исследований, посвященных поколенческому аспекту Реформации, возобновляется дискуссия о связях и преемстве обновленческого движения начала XX века и обновленчества 1920-х гг. Вводится понятие «распределенная реформация». В заключении делается вывод, что проблема обновленчества в русском православии первой половины XX века может быть выведена на новый уровень осмысления благодаря восприятию и использованию теоретико-методологических разработок современного, в т.ч. отечественного религиоведения. Перспективными видятся принципы интегрализма (формирующейся постнеклассической парадигмы знания) и исторической феноменологии религии, которые предполагают взаимодействие различных исследовательских подходов и программ, а также возобновляемую рефлексию над источником и теорией.

Для цитирования в научных исследованиях

Головушкин Д.А. Подходы к изучению и аналитический язык описания русского православного обновленчества первой половины XX века // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Том 8. № 4А. С. 226-231. DOI: 10.34670/AR.2019.45.4.082

Ключевые слова

Обновленчество, религиозное обновление, религиозный модернизм, религиозный фундаментализм, реформация, Реформация, диатропика, историческая феноменология религии.

Введение

Ситуация теоретико-методологического кризиса, характерная для исследований русского православия и Русской православной церкви, в первую очередь актуализирует проблему подходов и аналитического языка описания русского православного обновленчества первой половины XX века. Те тропы, которые сложились в советском религиоведении и церковно-исторической науке начала 2000-х гг. сегодня уже не решают задачу дефинирования и идентификации обновленчества как религиозного и социокультурного феномена. Продолжение его осмысления исключительно сквозь призму таких маркеров как «религиозный модернизм», «раскол», «продукт антирелигиозной политики советского государства», не способствует постижению единства данного феномена, стоящего за его многообразием и тем более не приближает к пониманию парадигмы русского православного реформаторства первой половины XX века [Головушкин, 2013].

Изменить ситуацию может методологический принцип интегрализма, который в религиоведении выразился в идее создания «метатеории религиоведения», предполагающей продуктивное взаимодействие различных исследовательских подходов и программ [Рахманин, 2009, 21]. В русле этих интегративных тенденций во второй половине XX века возникла историческая феноменология религии, которая рассматривает историю религий (дескриптивную дисциплину) и феноменологию религии (сравнительную и интерпретативную дисциплину) как два взаимосвязанных аспекта единой науки о религии [Bianchi, 1993; Drijvers, 1973]. Такой подход предполагает возобновляемую рефлексию над теорией / теориями, которые нужно строить, уточнять и опять пересматривать, обращаясь к известным и вводимым в научный оборот эмпирическим данным.

Основная часть

Первым важным шагом на пути к осмыслению феномена русского православного обновленчества является признание существования социокультурных модификаций реформации (исходный тезис диатропики), в которых общее (инвариантность) переплетается с частным (самобытность). Уже Н.А. Бердяев и А.В. Карташев доказывали, что реформация не исчерпывается западноевропейским опытом и что в России она может принимать свои уникальные формы [Карташев, 1996, 191-192; Бердяев, 2009, 258-267]. Поэтому религиозно-реформаторское движение, зародившееся в России в начале XX века, и было самоидентифицировано / идентифицировано современниками как движение религиозного обновления / обновленчество («периферия»), а не православная реформация. В то же время, посредством религиозной реформы оно стремилось не просто реформировать / возродить Русскую церковь, а вывести российское (впоследствии советское) общество в новое социокультурное пространство, а, следовательно, являлось проектом / проводником Реформации как универсалии культуры («ядро»). В этом плане продуктивной видится научная концепция русского реформационного процесса В.Д. Жукоцкого, полагавшего что «универсалии Ренессанса – Реформации – Просвещения, возникающие как естественная культурно-историческая реакция на тотальную догматизацию и позитивизацию христианской веры и образа жизни западноевропейцев могут иметь свои специфические, возможно, скрытые формы проявления и в восточном христианстве, и в особенности в русском православии» [Жукоцкий, Жукоцкая, 2008, 5-6]. Логика обновленчества также заключалась в том, что оно стремилось спустить церковь с «небес» к истории реальных земных альтернатив. Этим объясняется его

критика идей святоотеческого неоплатонизма, отказ от которых в экклесиологической плоскости выводил на проект «белой церкви».

Вторым необходимым шагом на пути к созданию теоретико-методологической базы исследования русского православного обновленчества является концептуализация феномена религиозного обновления. Существующие разработки в этом направлении показывают, что «под религиозным обновлением одновременно может пониматься как движение назад, к основам религии, так и движение вперед, в том числе через возвращение к основам этих религий» [Головешкин, 2014, 111]. Другими словами, феноменам религиозного обновления одновременно свойственны черты религиозного фундаментализма и религиозного модернизма, которые раскрываются через них как амбивалентные феномены. Это является важной методологической предпосылкой для идентификации альтернативных / гибридных религиозных идеологий и движений, и делает возможным экспликацию религиозного обновления как самобытной формы религиозного реформаторства, которая складывается на периферии религиозного фундаментализма и модернизма, и соединяет в себе черты обоих. Целями религиозного обновления является переинтерпретация или переоформление религиозной традиции. Одновременно религиозное обновление это стратегия социального действия религии, ориентированная на выработку альтернативных вариантов общественного развития – религиозное обновление современности. Это своего рода путь «срединный путь» религиозной культуры, лежащий между традицией и новацией, конфессиональный вариант реформации.

Третьим вопросом, без рассмотрения которого невозможно понимание природы и сущности православного обновленчества, является проблема определения «основ» в православном христианстве. Дело в том, что фундаментализм в православии не является понятием самодостаточным и «возвращение» может быть наполнено самым разным содержанием. Не случайно новосибирский исследователь Е.А. Тюгашев обратил внимание на тот факт, что обновленческий раскол следует рассматривать, в том числе, как результат столкновения интерпретаций и интерпретаторов «основ» православия. Автор считает, что именно эта генетическая специфика религии Предания обусловила «особый механизм его качественного преобразования – раскол через различие ортодоксии и обновленчества. Причем обновленчество осознавалось как возврат к подлинному православию, которое стихийно “искажилось” в устранимой ортодоксии. Вследствие этого православные революции не были единовременным актом отрицания прошлого, а представляли собой интерактивный, многошаговый процесс углубления в основание и воспроизводство “позапрошлого” в расширенном масштабе» [Тюгашев, 1994, 162].

В результате апелляция обновленчества «первохристианству», которое сводилось к идее религиозного творчества и общественному принципу (коллективному спасению), могла создать и создала в церковном сознании бинарные оппозиции: «обновленчество (гетеродоксия) – ортодоксия», затем «обновленчество – фундаментализм», и наконец, «фундаментализм – ортодоксия». Как показывают труды обновленческих лидеров – А.И. Введенского и Б.В. Титлинова, они осознавали парадоксальность и трагичность данной ситуации [Введенский, 1925; Титлинов, 1926], но их понимание православного фундаментализма, не найдя целевой аудитории, так и не вышло на необходимый богословский уровень.

Только во второй половине XX века русская богословская мысль (в первую очередь в лице «парижской школы») смогла решить эту задачу и разрешить этот конфликт. Она переносит «проблему ортодоксии из области твердой приверженности каким-либо неизменным “основам”, в область динамики и развития православия с опорой на эти основы. При этом речь уже идет о

качественно ином понимании самого понятия “основы”, ибо фундаментом мыслится живое Предание, живой опыт церкви, а выражением ортодоксии видится верность принципу единства и непрерывности Священного Предания» [Головушкин, 2015, 76].

Это во многом объясняет, на первый взгляд, противоречивые заявления обновленческих лидеров об истории христианской церкви как сплошной перманентной революции и об обновленчестве как о подлинном православии. Данная особенность лишней раз свидетельствует об аутентичности обновленчества как специфической форме православной реформации – фундаментализме / модернизме Предания.

В-четвертых, необходимо добавить несколько слов к дискуссии о связи или отсутствии таковой между обновленчеством начала XX века и обновленчеством светского периода. Как показывают исследования, посвященные поколенческому аспекту реформации / Реформации, влияние русского духовного ренессанса начала XX века невозможно ограничить лишь одним поколением церковных обновленцев – представителями дореволюционных обновленческих кругов. Эпохи сменяют друг друга, но в рамках возникшего культурного пространства возможен процесс взаимопроникновения и даже наложения эпох и поколений. На этот очень важный аспект культурно-исторического развития в свое время уже обратил внимание В.Д. Жукоцкий, который указал, что «существуют такого рода эпохи в культурной истории, которые вбирают в себя несколько поколений людей со своими эпохами. Следовательно, должно происходить некоторое разделение функций между разными поколениями внутри данной культурной макроэпохи. В самом общем виде это три типа поколений: срединное, выражающее саму суть данной культурной эпохи, и два пограничных, на входе в данную эпоху и на выходе из нее» [Жукоцкий, Жукоцкая, 2008, 7-8].

Поэтому нет никаких сомнений в том, что каждое из поколений церковных обновленцев по-своему уникально и незаменимо. Но в то же время следует признать, что религиозно-реформаторскому движению, особенно эпохи трансформационного разлома, нередко требуется несколько поколений, чтобы пройти путь от «профетической ситуации» до проекта институционализации и рутинизации. Соответственно обновленчество можно рассматривать, в том числе, как феномен распределенной реформации, охватившей несколько поколений и социальных реальностей, сформировавшей свой уникальный облик в переключке между ними.

Заключение

Таким образом, чтобы продолжить изучение феномена православного обновленчества первой половины XX века, который сегодня оказался зажат между теоретическими разработками советского религиоведения и эмпирикоцентризмом церковно-исторической науки 1990 – начала 2000-х гг., должно произойти обновление подходов к нему и аналитического языка описания. Отечественное религиоведение имеет все предпосылки к тому, чтобы осуществить этот шаг, не разорвав с российской академической традицией, но и внимательно прислушиваясь к современным мировыми тенденциям в области исследования религиозно-реформаторских движений. В данном случае заслуживают внимания принципы исторической феноменологии религии, требующей возобновляемой рефлексии над теорией и источником. В результате, такой подход позволит не только «заново» распознать и идентифицировать обновленчество как религиозный и социокультурный феномен, но и прийти к развернутому определению понятия «обновленчество».

Библиография

1. Бердяев Н.А. Духовный кризис интеллигенции. М.: Канон+; Реабилитация, 2009. 396 с.
2. Введенский А. Апологетическое обоснование обновленчества // Вестник Священного Синода. 1925. № 1. С. 18-28.
3. Головушкин Д.А. Обновленчество / старообрядчество: антитеза или объединяющая парадигма? // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2013. № 2-1. С. 288-294.
4. Головушкин Д.А. Феномен религиозного обновления: теоретико-методологические аспекты исследования // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 3. С. 107-115.
5. Головушкин Д.А. Фундаментализм и ортодоксия: к вопросу о структурно-функциональных особенностях русского православного обновленчества первой половины XX века // Вестник Русской Христианской Гуманитарной академии. 2015. Т.16. № 3. С. 69-78.
6. Жукоцкий В.Д., Жукоцкая З.Р. Русская Реформация XX века: статьи по культурософии советизма. М.: Новый хронограф, 2008. 264 с.
7. Карташев А.В. Церковь. История. Россия. Статьи и выступления. М.: Пробел, 1996. 303 с.
8. Рахманин А.Ю. К метатеории религиоведения: концептуальный каркас и проблема нормативного критерия науки // Религиоведческие исследования. 2009. № 1-2. С. 7-23.
9. Титлинов Б.В. Смысл обновленческого движения в истории. Самара: Полиграфпром, 1926. 6 с.
10. Тюгашев Е.А. Православная реформация в России: социокультурный подход // Современные интерпретации социокультурных процессов. Кемерово, 1994. С. 152-165.
11. Bianchi U. Method, Theory and Subject Matter // Religious Transformations and Socio-Political Change: Eastern Europe and Latin America. Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 1993. P. 349-355.
12. Drijvers H.J.W. Theory Formation in Science of Religion and the Study of the History of Religion // Religion, Culture and Methodology. Papers of the Groningen Working-Group for the Study of Fundamental Problems and Methods of Science of Religion. Paris; Hague: Mouton & Co, 1973. P. 57-77.

Approaches to the study and the analytic language in the description of the Russian Orthodox Renovatism in the first half of the 20th century

Dmitrii A. Golovushkin

Associate Professor,
Department of History of Religion and Theology,
Herzen State Pedagogical University of Russia,
191186, 48, Moika emb., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: golovushkinda@mail.ru

Abstract

In the article we examine the problem of the approaches to the study and the analytic language in the description of the Russian Orthodox Renovatism in the first half of the 20th century. The author poses a question about the legitimacy of using the concepts of the “Reformation” in the context of the Orthodox Renovatism. An option of the conceptualization of the religious renovation phenomenon as well as seeing its structural elements (the religious fundamentalism and the religious modernism) is proposed. The problem of the relation between the fundamentalism and the orthodoxy in the religions of the Tradition is actualized. This serves as an additional key to the understanding of the phenomenology and the structural and functional features of the Orthodox movements of the religious reform. The discussion about the connections and the continuity of the renovation movement in the beginning of the 20th century and the Renovatism in the 1920-ties within the studies of generational aspect of the Reformation is renewed. The concept of “distributed

reformation” is introduced. The conclusion is drawn that the problem of the Renovationism in the Russian Orthodox Church of the first half of the 20th century may be brought to the level of understanding due to perception and use of the theoretical and methodological concepts of the contemporary religious studies, including the Russian ones.

For citation

Golovushkin D.A. (2019) Podkhody k izucheniyu i analiticheskii yazyk opisaniya russkogo pravoslavnogo obnovlenchestva pervoi poloviny XX veka [Approaches to the study and the analytic language in the description of the Russian Orthodox Renovationism in the first half of the 20th century]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 8 (4A), pp. 226-231. DOI: 10.34670/AR.2019.45.4.082

Keywords

Renovationism, Religious Renovation, Religious Fundamentalism, Religious Modernism, Reformation, Diatropika, Historical Phenomenology of Religion.

References

1. Berdyaev N.A. (2009) *Dukhovnyi krizis intelligentsii* [Spiritual Crisis of Intelligentsia]. Moscow.
2. Bianchi U. (1993) Method, Theory and Subject Matter. In: *Religious Transformations and Socio-Political Change: Eastern Europe and Latin America*. Berlin; N.Y.
3. Drijvers H.J.W. (1973) Theory Formation in Science of Religion and the Study of the History of Religion. In: *Religion, Culture and Methodology. Papers of the Groningen Working-Group for the Study of Fundamental Problems and Methods of Science of Religion*. Paris; Hague.
4. Golovushkin D.A. (2013) *Obnovlenchestvo / staroobryadchestvo: antitezailob'edinyayushchayaparadigma?* [The Renovationism / Old Believers. Is It an Antithesis or a uniting paradigm?]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya* [The Bulletin of Irkutsk State University], 2-1, pp. 232-240.
5. Golovushkin D.A. (2014) Fenomen religioznogo obnovleniya: teoretiko-metodologicheskie aspekty issledovaniya [The Phenomenon of Religious Renovation: Theoretical and Methodological Aspects of Analysis]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 3, pp. 107-115.
6. Golovushkin D.A. (2015) Fundamentalizm i ortodoksiya: k voprosu o strukturno-funksional'nykh osobennostyakh russkogo pravoslavnogo obnovlenchestva pervoi poloviny XX veka [Religious Fundamentalism and Orthodoxy: to the Question about the Structural-Functional Features of the Russian Orthodox Renovationism of the First Half of the XX Century]. *Vestnik Russkoi Khristianskoi Gumanitarnoi akademii* [Journal of the Russian Christian Academy for the Humanities], 3, pp. 69-78.
7. Kartashev A.V. (1996) *Tserkov'. Istoriya. Rossiya. Stat'i i vystupleniya* [Church. History. Russia: Articles and Speeches]. Moscow.
8. Rakhmanin A. (2009) K metateorii religiovedeniya: kontseptual'nyi karkas i problema normativnogo kriteriya nauki [Towards a meta-theory of religious studies: the theoretical framework and the problem of the normative criterion of science]. *Religiovedcheskie issledovaniya* [Researches in Religious Studies], 1-2, pp. 7-23.
9. Titlinov B.V. (1926) *Smysl obnovlencheskogo dvizheniya v istorii* [Sense of the Renovation Movement in the History]. Samara.
10. Tyugashev E.A. (1994) *Pravoslavnaya reformatsiya v Rossii: sotsiokul'turnyi podkhod* [Orthodox Reformation in Russia: Socio-Cultural Approach]. *Sovremennye interpretatsii sotsiokul'turnykh processov* [Modern interpretations of sociocultural processes]. Kemerovo.
11. Vvedenskii A. (1925) Apologeticheskoe obosnovanie obnovlenchestva [The Apologetics Justification of the Renovationism]. *Vestnik Svyashhennogo Sinoda* [Journal of the Holy Synod], 1, pp. 18-28.
12. Zhukotskii V.D., Zhukotskaya Z.R. (2008) *Russkaya Reformatsiya XX veka: stat'i po kul'turosofii sovetizma* [Russian Reformation of the XX century: Articles on Kulturosofiya of the Sovietism]. Moscow.